

Постоянная экспозиция Дома русского зарубежья
им. А.И. Солженицына: текстуальное наполнение в контексте
исторической политики России в 2020-е гг.

Александр Е. Шапошников

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, aeshaposhnikov@edu.hse.ru

Аннотация. В статье проведен контент-анализ главных экспозиционных текстов постоянной экспозиции Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Содержание текстов рассматривается в контексте исторической политики России в 2020-е гг. Основной посыл экспозиции – «русскоцентричный», посвященный жизни исключительно русских эмигрантов, представленных жертвами, «изгнанниками», пострадавшими в результате «исхода». Вина за произошедший «исход» возлагается на большевиков, однако экспозиция лишена ярко выраженной и персонализированной критики по отношению к ним. Дискурсивная установка властей на признание ошибочности массовых репрессий позволяет Дому русского зарубежья лишь в небольшой степени транслировать критический взгляд на советскую эпоху и в большей мере формировать ностальгию по утраченному в результате революций «русскому» духовному наследию. Пространство «русского мира» в экспозиции не ограничивается границами исторической России и выходит далеко за ее пределы – вплоть до «русского» Берлина, Парижа, Нью-Йорка, Шанхая и других крупных городов, которые русские «изгнанники» осваивали своим трудом на протяжении многих лет.

Ключевые слова: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, русская эмиграция, музей, историческая политика, публичная история

Для цитирования: Шапошников А.Е. Постоянная экспозиция Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына: текстуальное наполнение в контексте исторической политики России в 2020-е гг. // Молодой историк. 2025. № 3. С. 183-198.

Permanent exhibition of the Solzhenitsyn House of Russian Abroad: textual content in the context of Russia's historical policy in the 2020s

Alexander E. Shaposhnikov

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia, aeshaposhnikov@edu.hse.ru*

Abstract. This paper provides a content analysis of the main exposition texts of the permanent exhibition in the Solzhenitsyn House of Russian Abroad. Their content is considered in the context of Russia's historical policy in the 2020s. The main - "russocentric" - message of the exhibition is dedicated exclusively to the lives of Russian emigrants, represented by victims and "exiles" who suffered as a result of the "exodus", the blame for which lies with the Bolsheviks. The exhibition, however, is devoid of pronounced and personalized criticism of the latter. Russian discursive attitude towards recognizing the fallacy of mass repressions allows the House to convey, but only in a small degree, a critical view of the Soviet era and to form in a bigger degree nostalgia for the Russian cultural heritage, which was lost as a result of the revolutions. Russian world space in the exhibition is not limited to the borders of historical Russia and goes far beyond its borders – up to "Russian" Berlin, Paris, New York, Shanghai and other major cities, where the Russian "exiles" lived and worked for many years.

Keywords: Russian Abroad House named after A.I. Solzhenitsyn, Russian emigration, museum, historical policy, public history

For citation: Shaposhnikov, A.E. (2025), “Permanent exhibition of the Solzhenitsyn House of Russian Abroad: textual content in the context of Russia’s historical policy in the 2020s”, *Young Historian*, no. 3, pp. 183-198.

Введение

Изучение музеиного дела позволяет понять, как формулируется историческая политика в стране. Это хорошо видно на примере современной России. Проведение двух музеиных конференций «Интермузей» в 2024 г., проектирование новых зданий Третьяковской галереи в Самаре и Калининграде, театрального городка на базе Бахрушинского музея, открытие крупного музеиного комплекса на территории Крыма «Новый Херсонес» – все это лишь некоторые крупные музеиные проекты последних лет, финансируемые государством, выступающим за «традиционные российские духовно-нравственные ценности» как основу культурной и исторической политики¹. Музеи включаются в государственную политику и, таким образом, их анализ может многое сказать о политическом курсе в целом.

Цель моей статьи – проанализировать текстуальное наполнение (в виде центральных экспозиционных текстов) постоянной экспозиции Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына в контексте исторической политики России по отношению к советскому прошлому.

Эту историческую политику можно обозначить следующим образом. С одной стороны, российские власти признали преступность и ошибочность массовых репрессий 1920–1950-х гг., ставших причиной крупнейших волн русской эмиграции XX в. С другой – в 2010-е гг. власти демонстрировали (и демонстрируют до сих пор) очень настороженное отношение к этой теме и явное нежелание говорить о «трудном прошлом», подчеркивая достоинства, а не изъяны советской системы [Копосов 2011, с. 137-181]. Осторожное обращение властей с темой репрессий может создавать для Дома русского зарубежья свои ограничения в разработке экспозиционного материала.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 23 июля 2025).

Более того, Дом-музей хоть и касается темы массовых репрессий, но в большей степени сосредоточен все же на другом важном для части российской общественности сюжете – потере «русского мира» и русского интеллектуального наследия после прихода к власти большевиков. Это до сих пор не позволяет однозначно с точки зрения государственной исторической политики относиться к революции и последующей Гражданской войне – событиям, в результате которых хоть и появился СССР, но в то же время был уничтожен старый мир в виде Российской империи.

Текстуальное наполнение современной постоянной экспозиции Дома-музея в таких противоречащих друг другу контекстах (формальное признание преступности массовых репрессий, в то же время нежелание концептуализировать советское прошлое как «грудное» и ностальгия по имперскому прошлому) составляет предмет анализа этой статьи.

Теоретические рамки, методология и ограниченность исследования

Теоретической основой статьи стали идеи Тони Беннета, сконструировавшего «музей как объект социальной науки» [Максимова 2019] и положившего начало его изучения в социальных науках. Он рассматривал музей как социальный институт, который не может существовать без взаимоотношений с властью [Bennett 1995]. Власть определяет и транслирует через него те идеи, которые должна воспринимать общественность. Музей, таким образом, становится политико-просветительским проектом, за которым стоят заинтересованные группы и через который они формируют нужные интерпретации прошлого для определенных политических целей [Korff 1999; Sodaro 2018].

За последние 15 лет развития memory studies музеи стали распространенным объектом изучения. Они исследуются на разных уровнях: «на уровне авторов, уровне презентации и на уровне дискурса» [Махотина 2018]. В этой статье меня будет интересовать «уровень дискурса», и я буду рассматривать постоянную экспозицию Дома русского зарубежья, созданную в 2019 г., как «дискурс, созданный в определенном пространстве, в определенное время, для определенных политических целей»

[Махотина 2018, с. 82; Landwehr 2001]. Для этого я применяю метод контент-анализа.

Экспозиционные тексты я разделил на две категории. Первая — «основные», самые крупные и объемные экспликации, которые объясняют тематическую задумку зала и определяют его тематическое направление. Вторые — «вспомогательные», т.е. те тексты, которые разворачиваются уже внутри «основного» текста, немыслимы без него и акцентируют внимание на отдельных сюжетах. Цельный, логически связанный «основной» или «вспомогательный» текст я считал за единицу анализа. Таким образом, удалось выделить 55 аналитических единиц, представляющих собой либо полностью написанный кураторский текст, либо частичный с вкраплениями воспоминаний участников исторических событий, либо только воспоминания без кураторского пояснения. Анализ текста я осуществляла с помощью программы Voyant Tools.

В выборку на этом этапе исследования не вошли экспликации к экспонатам и биографии персоналий, а также расшифровки видео- и аудиозаписей. Акцент на «основных» и «вспомогательных» текстах объясняется тем, что посетители музея в подавляющем большинстве читают только их (которые первыми и видят), чтобы понимать, о чем идет речь, не дочитывают обширные подписи к экспонатам, еще в меньшей степени слушают аудио и смотрят видеофрагменты, уделяют музеинным предметам иногда меньше минуты [Serrell 1998; Bitgood 2013; Falk and Dierking 2013]. Текст, таким образом, по-прежнему остается центральной составляющей всего экспозиционного нарратива (в том случае, если мы говорим о постоянной экспозиции исторического музея). Привлечение дополнительных материалов для анализа, которые могут скорректировать или дополнить выводы этой статьи, — вопрос дальнейшего исследования.

Более того, я анализирую только постоянную экспозицию, в которой многие важные темы русского зарубежья остались не раскрыты или даже не затронуты. Музей организует временные выставки, посвященные более узким сюжетам, но они не вошли в мой анализ, потому что посетители не всегда находят время, чтобы их осмотреть, уделяя основное внимание постоянной экспозиции.

Именно на ней они получают главное представление о теме. Однако привлечение материала сторонних выставочных проектов в будущем может дополнить картину, складывающуюся после прочтения этой статьи.

Предыстория создания Музея

В сентябре 1990 г. в Государственной библиотеке иностранной литературы (ГБИЛ) была открыта выставка парижского издательства «YMCA-PRESS», выпускавшее книги русских писателей, которые не могли публиковаться в СССР. Среди таких были Александр Солженицын, Марина Цветаева, Иван Шмелев, Николай Бердяев, Борис Зайцев, Иван Бунин, Антон Деникин, Сергей Мельгунов и другие. Один из инициаторов этой выставки – заместитель директора ГБИЛ Виктор Москвин – предложил главе издательства Никите Струве создать в России филиал, чтобы популяризировать русскую зарубежную литературу на постсоветском пространстве. В итоге они создали организацию «Русский путь».

В скором времени «Русский путь», «YMCA-PRESS» и Русский Общественный фонд Александра Солженицына начали продвигать идею Центра русского зарубежья в Москве, который мог быть создан на основе собранных ими материалов. Последний – Русский Общественный фонд – был создан лично Солженицыным в 1970-е гг. с целью сокрытия «всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательством (от меня и моих наследников) надежного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, и как только наступит благоприятное для того время – перевозки их всех в один из городов Центральной России» [Леонидов 2016]. В итоге в 1995 г. при поддержке московских властей появилась «Библиотека-фонд», которая в 2009 г. была преобразована в «Дом русского зарубежья» с закреплением за ним официального музейного статуса.

Создание музея в контексте 1990-х гг.

В 1994 г. Солженицын вернулся в Россию. Символическое возвращение домой самого известного автора ГУЛАГа актуализировало вопрос о его наследии: нужно было разобраться

не только с ним, но вообще со всем тем, что осталось за рубежом. Московские власти попытались это сделать.

Дом-музей² был открыт в период активного переосмысливания и переоценки советского прошлого. На федеральном уровне было опубликовано множество законов о реабилитации репрессированных. В 1990-е гг., помимо Закона о реабилитации, вышли семь постановлений и указов, которые осуждали репрессии в отношении разных групп: пострадавших в Кронштадте в 1921 г. и в Новочеркасске в 1962 г., военнопленных и репатриированных, священнослужителей и верующих, участников крестьянских восстаний. Некоторые из этих правовых актов устанавливали дни и места памяти³. Кроме того, в 1995 г. в России проходили парламентские выборы, по итогам которых коммунисты добились большого успеха, а электоральный рейтинг Ельцина показал минимальные значения. Возвращение Солженицына, таким образом, могло быть использовано для дискредитации коммунистических сил.

В таком контексте будущий Дом-музей был открыт в 1995 г. при поддержке Правительства Москвы и по личной инициативе Солженицына, что многое говорит о его первоначальной миссии. Ее он сформулировал следующим образом: «Всё это начнёт функционировать, и будет действительно светиться этот мост, соединяющий *память эмиграции и нашей Родины* [здесь и далее курсив мой – А.П.]»⁴. Основу коллекции будущего Дома-музея составили рукописи воспоминаний, собранные Солженицыным в эмиграции и переданные туда на хранение в 1996 г. В 1970-е гг. – после своей высылки за пределы СССР – он призвал соотечественников через эмигрантскую печать присыпать ему материалы: «Я призываю моих соотечественников теперь же сесть писать <...> воспоминания и присыпать их – чтобы *где наше не ушло вместе с нами бесследно*, но

² Далее я буду называть организацию «Домом-музеем», хотя формально в 1995 г. его не было, вместо него существовала «Библиотека-фонд».

³ См. подробнее: Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/> (дата обращения: 07 июня 2025 г.).

⁴ О Доме русского зарубежья / Дом русского зарубежья. URL: <https://www.domrz.ru/about/review/> (дата обращения: 07 июня 2025 г.).

сохранилось бы для *русской памяти*, остерегая на будущее. По желанию авторов их истинные имена могут быть вовсе не названы (и сам автор может прислать рукопись под псевдонимом, лишь указав, что имя – не подлинное), либо сохранены в тайне до указанного ими срока⁵. Солженицын признавал произошедшую с исторической Россией трагедию.

В Доме-музее, помимо критического отношения к советской истории, был сформулирован еще один акцент — достаточно «русскоцентричный», как его бы определил Дэвид Бранденбергер [Бранденбергер 2009]. Солженицын, Струве, митрополит Кирилл, выступавшие на открытии в декабре 1995 г., говорили про «русских людей», «русских философов», «русских мыслителей» и «духовный и интеллектуальный потенциалы русской эмиграции». В своем приветственном слове Солженицын говорил именно о «русской памяти». Даже на открытии выставки «YMCA-PRESS» в 1990 г. демонстрировались произведения русских писателей, так или иначе связанных с заграницей.

Дом-музей, таким образом, логично укладывался в контекст 1990–2000-х гг.: распада СССР, частичной декоммунизации, критического отношения к советскому наследию. Готовность властей на формальном уровне говорить о «трудном прошлом» создало ту рамку, которая позволила организаторам Дома-музея развернуть критический разговор о происходивших в СССР в 1920–1950-е гг. событиях. Этот первоначальный разговор не был лишен «русскоцентричности», подчеркивающей трагедию именно «русской» России. Миссия Библиотеки-фонда заключалась в том, чтобы соединить Россию с той «эмигрантской» Россией, которая на многие годы была потеряна в результате революции.

Постоянная экспозиция

Сформулированная и неизменная на протяжении многих лет миссия Дома-музея повлияла на содержание новой постоянной экспозиции, открытой в 2019 г. В этой части статьи я проанализирую 55 выделенных экспозиционных текстов,

⁵ Солженицын А. Публицистика. Общественные письма, заявления, интервью. М., 1996. С. 471–473.

обозначенных мною как аналитические единицы. В скобках указано количество упоминаний слов по корпусу текстов.

Экспозицию открывает текст, который сразу задает моральную рамку восприятия событий первой четверти XX в.: «Октябрьский переворот 1917 года, пятилетняя братоубийственная Гражданская война, поражение Белого движения и дальнейшее укрепление власти большевиков на территориях бывшей Российской империи привели к массовому исходу из страны несогласных с новым режимом и неугодных ему». Большевики здесь – главные виновники произошедших событий, которые вынудили тысячи людей эмигрировать. При наличии явного акцента на виновниках большевизм и производные от него тем не менее упоминаются достаточно редко: всего лишь 12 раз (среди ярких вариаций – «диктатура большевиков», «тиго большевиков», «сцепчивый большевизм», «режим большевиков», «падение большевизма», «задавить большевизм»). Персонифицированные виновники – будь то Ленин, Сталин, большевистские командиры – почти не упоминаются. Общий нарратив, таким образом, в большей степени посвящен жизни эмигрантов и не несет такого обвиняющего посыла, как, например, в музеях оккупации стран Балтии. «Советская Россия» не демонизируется. В текстах нет ни одного слова про репрессии, аресты, расстрелы и даже сам термин «террор» упоминается только один раз. Нет отдельного зала про Гражданскую войну и борьбу Белого движения с большевиками. Фокус смешен с борьбы против большевиков на жизнь эмигрантов, которых в экспозиции пытаются представить как жертв.

Вынужденные бежать после революции большевиков и Гражданской войны представлены в экспозиции в религиозных категориях, поэтому произошедшее с ними характеризуется как «исход» (6), что направлено на укрепление жертвенного образа. Эмигранты описываются как «изгнанники» (30), а их судьба – «изгнанничество». Заграница в экспозиционных текстах – это «чужбина» (17), существенно превосходящая по упоминаниям нейтральную «за границу» (4) и несущая негативную коннотацию. Любопытен сам выбор слова: слово «чужбина» использовалось преимущественно в дореволюционное время. Всплеск упоминаний наблюдается в 1920-е гг. на фоне массовой эмиграции

из России, и он даже выше, чем в 1940-е и 1990-е гг. (после войны и распада СССР соответственно). Эти слова семантически выделяются на фоне нейтральных «заграница» или «беженцы» (21) и подчеркивают чужеродность, отчужденность нового «дома», который русским эмигрантам приходилось осваивать.

Еще один важный нарратив экспозиции – это «будущее» (17). Среди ярких конструкций – «будущее возрождение», «будущее страны», «будущая Россия», «будущие праведные пути», «будущая судьба». В экспозиционных текстах «будущее» не связывается напрямую с религиозным, но воспринимается как «возрождение» («Воскресенье Господне становилось символом восстановления справедливости, надеждой на будущее *возрождение* России»). Кураторы знают, к чему в итоге пришел СССР, и на протяжении всей экспозиции подчеркивают веру эмигрантов в скорейшее возвращение и создание «свободной» России.

Религиозные и дореволюционные мотивы дополняются национальными. В этой связи интересны семантические категории «русский» и «российский», которые не используются как взаимозаменяемые. «Российский» упоминается 10 раз преимущественно в именах собственных («Российская империя») и только в двух случаях определяет принадлежность к конкретной общности («российские изгнанники»). Можно было бы предположить, что «русский» и «российский» выступают синонимами и обозначают формальную подданическую принадлежность к Российской империи, однако национальный мотив можно проследить в категории «русский», обозначающей в экспозиции принадлежность к русской культуре и православной вере. Она упоминается 173 раза в 34 (из 55-ти) текстах в самых разных контекстах: «русское зарубежье», «русская эмиграция», «русское рассеяние», «русская жизнь», «русские юноши», «русские изгнанники», «русские люди», «русский человек», «русские беженцы», «русское культурное наследие», «русское национальное братство». Акцент на «русскости» также подчеркивает попытка кураторов связать ее с языком, верой и культурой: «Не страна на карте мира, но пространство духа [Русское зарубежье – прим. А.Ш.], определяемое принадлежностью к *русской культуре, языку, традициям*,

укладу, исконной вере предков, к сбережению которых на чужбине стремились изгнанники».

«Руссоцентричность» постоянной экспозиции усиливается образом Пушкина, ставшим важным символом как для русской эмиграции, так и для советской власти [Плант 2017]. Он представлен как «символ национального единства» и «гордость за историю России». Любопытным воспринимается пушкинский кураторский текст, который по форме получился литературным, а не информационным: «Пушкин объединял всех в особом, национальном русском братстве – ведь это он научил каждого русскому языку и мысли, тому, что мороз и солнце, что тиха украинская ночь и светла Адмиралтейская игла, и тяжелозвонкому скаканью, и очей очарованью, и любви к отеческим гробам, и братьям, отдающим меч...».

По прочтении экспозиционных текстов создается впечатление, что Россия в ее имперском варианте признается исконной, той самой «русской», которая была утеряна, а новая Советская Россия демонстрируется чужеродной. «Советское» (16) почти никак не связывается с «российским» или «русским», хотя в СССР после Гражданской войны остались миллионы людей, которые определяли себя как русских и говорили на русском, а в 1930-е гг. произошла реабилитация ряда дореволюционных русских образов и символов [Тихонов 2024]. Только в одном фрагменте за «советским» признается «половина» русской культуры: «Русский Берлин стал местом встречи “двух половин” русской культуры – советской и эмигрантской». Это одно из немногих мест в экспозиции, где за «советским» тоже признается часть «русского». Россия как бы представлена в двух частях, которые от этого не перестают быть Россией: одна просто «зарубежная», а вторая «советская». Поэтому экспозиция, хоть и симпатизирует эмигрантам и маркирует большевиков как виновников, тем не менее лишена явного и постоянно артикулированного обвинения, что характерно в целом для российского публичного поля⁶.

⁶ На вопрос, заданный бывшему министру культуры России Владимиру Мединскому, о том, кто победил в Гражданской войне, он ответил следующее: «Я вам сейчас парадоксальную вещь скажу: победила третья сила, которая в Гражданской войне не участвовала, – историческая Россия». Мединский: в борьбе

Еще один важный мотив экспозиции – это пространство «русского мира», который выходит далеко за пределы России. Русские эмигранты «преподавали в университетах и школах, снимали кино и выступали на сцене, работали врачами, прокладывали дороги и строили города», а в русских заведениях «ставились спектакли, устраивались концерты, вечера писателей, лекции видных ученых, проходили благотворительные балы и детские праздники». Русские «беженцы», таким образом, осваивали «чуждое» пространство, расширяя границы привычной им «исторической» России. Появились «русский» Берлин, «русский» Париж, «русский» Шанхай, «русский» Нью-Йорк и другие мировые города. Примечательно, что в самих текстах российские диаспоры один раз характеризуются как «колонии». Все это напоминает известные слова российского президента Владимира Путина о том, что «границы России нигде не заканчиваются»⁷. То же самое касается и сторонних выставочных проектов: «Русский код милосердия в Первой мировой...», «Русские – Европа», «Русское присутствие...», «Русская консерватория в Париже...», «Посол русской культуры...», «По русским адресам Шанхая...» – лишь некоторые из многих названий прошедших выставочных проектов, апеллирующих к русским «островкам» в зарубежье.

На основе проанализированных текстов можно определить зоны умолчания – темы, которых экспозиция касается в меньшей степени или которых не касается вовсе⁸. Среди них – масштаб советских репрессий, преступления Белого движения, возвращение уехавших на родину и их дальнейшая судьба, работа НКВД за границей по преследованию белоэмигрантов, деятельность правых политических сил (например, российских фашистов в Китае), политическая и социальная неоднородность «русского мира» за рубежом и так далее.

«красных» и «белых» победила историческая Россия.
URL: <https://ria.ru/20151120/1324962428.html> (дата обращения: 09 июня 2025 г.).

⁷ Путин заявил о бесконечности границ России.
URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5836d7259a7947b8990e36eb> (дата обращения: 09 июня 2025 г.).

⁸ Некоторых из них не касаются временные выставки.

Выводы

Таким образом, изученный материал показывает следующее:

1. Наиболее частотные слова и производные от них были следующими: «русский» (173), «изгнанники» (30), «беженцы» (21), «чужбина» (17), «будущее» (17), «большевизм» (12), «исход» (6). Семантический анализ показывает «русскоцентричность» экспозиции, нацеленной на реабилитацию дореволюционной России и ее наследия, носителями которого были русские эмигранты. Этот образ усиливается использованием типичных для чисто русской культуры символов – например, образа Пушкина.

2. Русские эмигранты представлены «жертвами», «беженцами» в религиозном смысле, «изгнанниками» после «исхода», под которым понимаются события 1917 г. и последующей Гражданской войны.

3. Границы «русского мира» не локализованы только в пространстве России. Русские эмигранты основывали «колонии» на «чужбине» и продвигали русскую культуру, тем самым расширяя привычные границы «исторической» России. Появились «русский» Берлин, «русский» Париж, «русский» Шанхай, «русский» Нью-Йорк и другие «русские» города, которые изначально были «чуждыми», но потом стали более «родными» и освоенными русской культурой.

4. Главные виновники произошедшей трагедии – большевики, однако показатель частотности слова «большевизм» и производных от него очень низок, что говорит об отсутствии обвинительного посыла. Обвинение здесь – не центральный мотив. Складывается впечатление, будто «большевизм» можно вообще убрать из экспозиционных текстов, и получится так, что русские эмигранты пострадали от некоего абстрактного «исхода».

5. В экспозиции можно выявить зоны умолчания: в ней нет тематических залов, в которых бы в деталях рассказывалось про «красный террор», действия НКВД за границей против белой интеллигенции,

деятельность российских фашистов в Китае и другие сложные темы. Нет залов и про преступления Белого движения, на реабилитацию образа которого нацелена экспозиция.

6. Текстуальное наполнение Дома русского зарубежья на основе изученных материалов в определенной степени соответствует официальному курсу исторической политики России: рассказывается только о русской эмиграции, воспринимаемой единой общностью и объединенной русской культурой и верой. Она явила собой «небывалый феномен отечественной и мировой истории» за счет своего культурного влияния, расширяющего привычные границы России. Дискурсивная установка властей на признание ошибочности массовых репрессий позволяет Дому русского зарубежья лишь в ограниченной степени транслировать критический взгляд на советскую эпоху и в большей мере формировать ностальгию по Российской империи и по утраченному в результате революций «русскому» духовному наследию.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Бранденбергер 2009 — *Бранденбергер А.Л.* Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб: ДНК, 2009. 416 с.
- Копосов 2011 — *Копосов Н.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: НАО, 2011. 320 с.
- Максимова 2019 — *Максимова А.С.* Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Социология культуры. 2019. № 2. С. 118–146.
- Махотина 2018 — *Махотина Е.И.* Нarrативы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.: Нестор-История, 2018. С. 75–93.
- Платт 2017 — *Платт Д.* Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб: ЕУСПб, 2017. 352 с.

- Тихонов 2024 – *Тихонов В.* Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: НАО, 2024. 368 с.
- Bennet 1995 – *Bennett T.* The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. London: Routledge, 1995. 288 p.
- Bitgood 2013 – *Bitgood S.* Attention and Value: Keys to Understanding Museum Visitors. New York: Routledge, 2010. 213 p.
- Falk, Dierking 2013 – *Falk J., Dierking L.* The Museum Experience Revisited. Abingdon: Routledge, 2013. 416 p.
- Korff 1999 – *Korff G.* Bildwelt Ausstellung: Die Darstellung von Geschichte im Museum // Orte der Erinnerung. Denkmal, Gedenkstätte, Museum, Frankfurt. 1999. S. 319–336.
- Landwehr 2001 – *Landwehr A.* Geschichte des Sagbaren. Einführung in die historische Diskursanalyse, Tübingen: Kimmerle, G., 2001. 223 s.
- Serrell 1998 – *Serrell B.* Paying Attention: Visitors and Museum Exhibitions. Washington: American Association of Museums, 1998. 220 p.
- Sodaro 2018 – *Sodaro A.* Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence. London: Rutgers University Press, 2018. 215 p.

REFERENCES

-
- Bennett, T. (1995), *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics*, Routledge, London, UK.
- Bitgood, S. (2013), *Attention and Value: Keys to Understanding Museum Visitors*, Routledge, New York, USA.
- Brandenberger, D.L. (2009), *Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovaniye russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956)* [Stalin's Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956)], DNK, Saint Petersburg, Russia.
- Falk, J. and Dierking, L. (2013), *The Museum Experience Revisited*, Routledge, New York, USA.
- Koposov, N. (2011), *Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Memory of strict regime: history and politics in Russia. Moscow], NLO, Moscow, Russia.

- Korff, G. (1999), “Bildwelt Ausstellung: Die Darstellung von Geschichte im Museum”, *Orte der Erinnerung. Denkmal, Gedenkstätte, Museum*, Frankfurt, Campus Verlag, ss. 319–336.
- Landwehr, A. (2004), *Geschichte des Sagbaren. Einführung in die historische Diskursanalyse*, Kimmerle, G., Tübingen, Germany.
- Maksimova, A.S. (2019), “The development of approaches to studying museums in social sciences and the humanities”, *Sociology of Culture*, 2019, no. 2, pp. 118–146.
- Makhotina, E. (2018), “Narrativy muzealizacii, politika vospominaniya, pamyat’ kak shou: Novye napravleniya memory studies v Germanii” [Narratives of musealization, politics of memory, memory as a show: New directions of memory studies in Germany], *Methodological issues of studying the politics of memory*, Nestor-Istoriya, Moscow, Russia, pp. 75–93.
- Platt, D. (2017), *Zdravstvuj, Pushkin! Stalinskaya kul’turnaya politika i russkij nacional’nyj poet* [Hello, Pushkin! Stalin’s cultural policy and the Russian national poet], EUSPb, St. Petersburg, Russia.
- Serrell, B. (1998), *Paying Attention: Visitors and Museum Exhibitions*, American Alliance of Museums, Washington, USA.
- Sodaro, A. (2018), *Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence*, Rutgers University Press, London, UK.
- Tikhonov, V. (2024), *Poleznoe proshloe. Iстория в сталинском СССР* [The Useful Past. History in the Stalinist USSR], NLO, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Е. Шапошников, студент бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 115404, Россия, Москва, 6-я Радиальная ул., д. 5, к. 2; aeshaposhnikov@edu.hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander E. Shaposhnikov, bachelor student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 5, 6-Radial'naya street, Moscow, Russia, 115404; aeshaposhnikov@edu.hse.ru